

Новые Известия — 2006 — 6 июля — с. 6. Холстомер по-французски

«Триптих». Конный театр «Зингаро». Музей-усадьба «Коломенское»

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

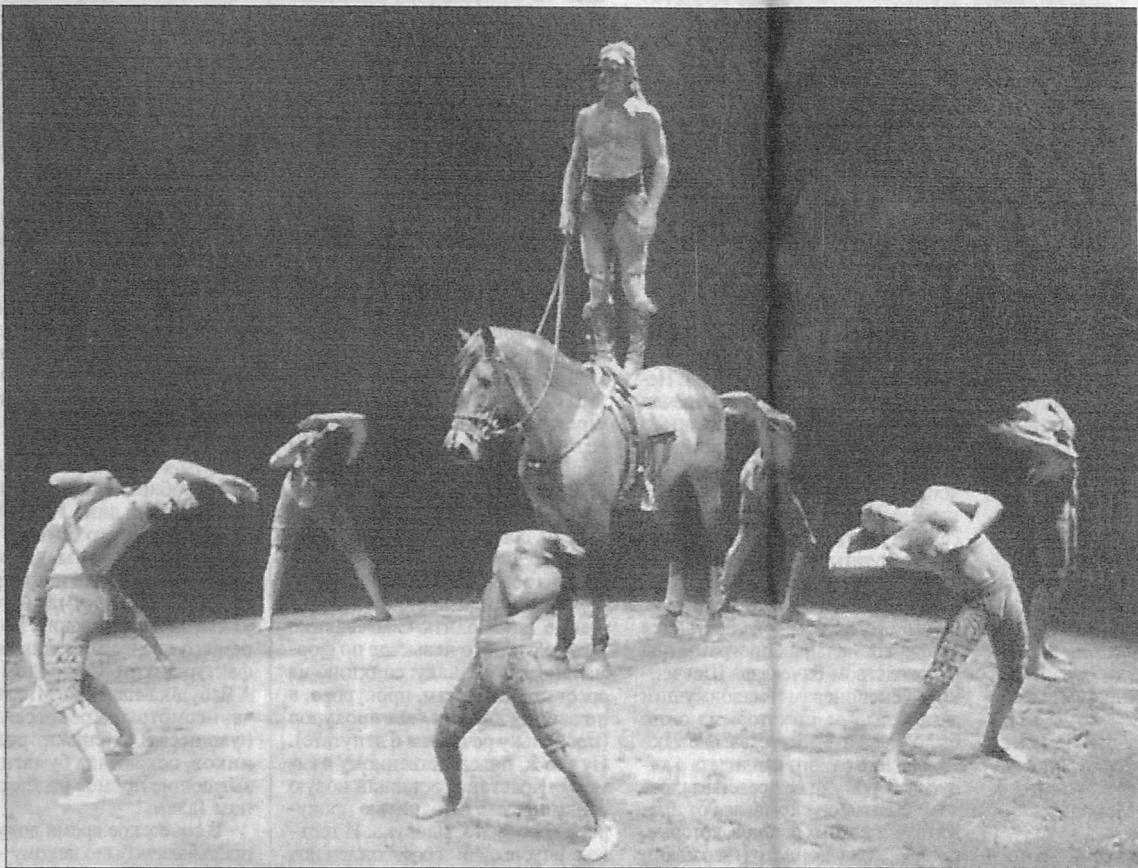
Это театрально-олимпийское мероприятие омрачено лишь одним существенным недостатком: в будний день добраться в район Коломенского к двадцати ноль-ноль — значит вздрызг истрепать себе нервы и прибыть по назначению с чувством глубокой ненависти к любым видам зрелищного отдыха. Железные кони устраивают на дорогах такой цирк, что тебе становится совсем не до лошадиного театра...

Однако главное в этой пиковой ситуации — не повернуть назад. Благоприятное воздыхание Коломенского, и кучки остропахнувшей скошенной травы на газонах, и совершенные пропорции колокольни Георгия Победоносца, и речной изгиб, открывающийся с крутого склона, быстро утолят сиюминутные печали, так что к дутому черному шапиту в форме перевернутого коровьего вымени вы подойдете уже людьми, психически уравновешенными, а выйдете оттуда через полтора часа и того хлеще — приятно взволнованными и одухотворенными.

«Триптих» — одно из самых красивых видений, привезенных на московскую Театральную Олимпиаду. Иного жанрового определения не подберешь — «Триптих» возникает из тумана, разгорается завораживающим жарким пламенем и, бледнея потихоньку, снова скрывается под млечным покровом.

Божественная музыка Стравинского, щиплющая душу за краешек настойчиво и щеотно. Гибкие мохнатые мужские тела: большинство — настоящие мулаты, остальные подкрашены морилкой. Одинаковые черные «химические» косички у людей и у коней. Поразительное цветовое сочетание красного песка, гнедых крупов и смуглых торсов. Когда чуть позже на арену выбегут лошади белые, с коротко купированными хвостами, и будут резвиться, «целоваться», кусаться и валиться по песку, измазанные их бока станут терракотовыми — цвета вечерней зари.

«Зингаро» — это золотая середина между театром и цирком. Именно на таком — принципиально новом — художественном уровне только и имеет право существовать современный цирк, а посему неплохо было бы насильно затаскать в «Коломенское», скажем, Максима Никулина, дабы он сравнил дефицитное убожество своего заведения на Цветном бульваре с высотами, которых могут достичь талантливые люди. Надо только проследить, что-

«Зингаро» — это странствующая труппа, названная в честь любимого коня ее художественного руководителя.

бы Максим Юрьевич не сгорел от стыда прямо на месте, а то французские росинанты, натуры тонкие и впечатлительные, плохо переносят любые вспышки в темном зале...

Мне никогда не приходилось видеть столь свободной ненавязчивой вольтижировки, когда один из всадников отделяется от дружной компании, демонстрирует, на что способен, и так же незаметно пристраивается обратно, а вперед с собственным соло уже вырвался другой.

Все чувства, которые инстинктивно испытывает человек перед конем — восхищение, алчность, страх, — все это, оказывается, можно сыграть без слов: вот всадники гонят отчаянно удирающих «безлошадников» и повергают их ниц, лицами в красную пыль, а вот толпа преследует стремительно несущийся табун — в вечном стремлении поймать, взнуздать и оседлать...

Единство человека и зверя, их слияние до полной нерасторжимости, общая груд мускулов, общее кровообращение — по манежу несутся великолепные кентавры. Причем

обоих полов. Белые лошади предоставлены девушкам, и волнистые распущенные волосы тоже рифмуются со слегка подвитыми гривами. Мужчины на лошади — охотник, воин, покоритель, властелин. Женщина на лошади — принцесса, греза, мимолетное виденье и гений чистой красоты. Впрочем, женщина за рулем тоже не лишена романтического ореола.

В «Триптихе» есть значительный фрагмент, когда живых коней заменяют гипсовые обрубки — то ли кости, выбеленные ветром и солнцем, то ли осколки невиданных заизвесткованных лошадиных кораллов. Два вольных актерских тела — мужское и женское — под живую музыку пристраиваются к странным ломаным скульптурам то снизу, то сверху, то с тыла, производя на свет новую, уже абсолютно фантастическую кентавровую породу.

Но все-таки: что за чудо эти кони! Литые, холеные, легкие, они оглушительно фыркают, мотают гривастыми башками, роняют слюни, позволяя таскать себя за хвосты (вообще не поступаясь при этом гордым

достоинством), проявляют все признаки чувства ритма и музыкального слуха, выполняют бесчисленные перестроения, тянутся долгой хороводной рысцой вдоль бортика, гарцуют под перезвон колоколов и смешно вышагивают, с отяжкой вскидывая точеные бабки. А масть!.. Жеребец, раскрашенный природой под жарптицу: «чулки» и «гольфы» по всем четырем ногам, двухцветная грива, кипенно-снежный хвост и вся спина белая... А густо-вороной, почти черный в ослепительных мохнатых «гамашах»... А серый в яблоках, хвост и грива — пепельный блондин... А миниатюрный толстенный пони — мелко семена, он выезжает выравнивать песок. И, шествуя важно, походкой чинной, за лошадкой с вожжами идет мужичок, служитель арены, который, несмотря на строгую французскую пару, выполняет функции коверного. Пони единственному среди копытных артистов будет позволено «понести» и тем самым поставить своего двуногого партнера в смешное положение...

«Триптих» можно посмотреть в «Коломенском» до 21 июня.